
Иллюстрации
Г. Нобжилова
А.С. Пушкин
Руслан и Людмила
«Малыш»

Руслан и Людмила

Александр Сергеевич Пушкин

Аннотация
Александр Сергеевич Пушкин. Руслан и Людмила
Посвящение
Песнь первая
Песнь вторая
Песнь третия
Песнь четвёртая
Песнь пятая
Песнь шестая
Эпилог

Аннотация

Волшебную поэму А. С. Пушкина "Руслан и Людмила" с удовольствием читают и дети, и взрослые. Вдохновленная русскими былинами, она повествует о храбрости, коварстве и любви, которая творит настоящие чудеса и может победить любое зло.

Отправьтесь в опасное путешествие с доблестным

Русланом, который спасает свою возлюбленную Людмилу

из владений колдуна Черномора. Вас ждут битвы, встречи с говорящей головой, магия и невероятные повороты судьбы.

Рисунки Геннадия Новожилова, признанного мастера иллюстрации, – эмоциональные, яркие, захватывающие внимание – идеально отражают образы героев и события великого произведения А. С. Пушкина.

Откройте книгу – и шагните к Лукоморью, где начинаются чудеса!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Александр Сергеевич Пушкин
Руслан и Людмила

Серия «Сокровища мировой литературы для детей»

Иллюстрации Геннадия Новожилова

© Новожилов Г. Д., насл., ил., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Посвящение

Для вас, души моей царицы,

Красавицы, для вас одних
Времён минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шёпот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.

Песнь первая

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом

Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух… там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету…

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гриднице высокой
Владимир-солнце пировал;

Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мёд из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей весёлый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть, и Руслана,
И Лелем свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомлённый,

Не ест, не пьёт Руслан влюблённый;
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,
Считает каждые мгновенья.
В унынье, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя младые;
Безмолвны, за ковшом пустым,
Забыты кубки круговые,
И брашна неприятны им;
Не слышат вещего Баяна;
Потупили смущённый взгляд:
То три соперника Руслана;
В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.
Один – Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой – Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;

Последний, полный страстной думы,
Младой хазарский хан Ратмир:
Все трое бледны и угрюмы,
И пир весёлый им не в пир.

Вот кончен он; встают рядами,
Смешались шумными толпами,
И все глядят на молодых:
Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених.

Но тень объемлет всю природу,
Уж близко к полночи глухой;
Бояре, задремав от мёду,
С поклоном убрались домой.
Жених в восторге, в упоенье:
Ласкает он в воображенье
Стыдливой девы красоту;
Но с тайным, грустным умиленьем
Великий князь благословеньем
Дарует юную чету.

И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель;
Огни погасли… и ночную
Лампаду зажигает Лель.
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На цареградские ковры…
Вы слышите ль влюблённый шёпот,
И поцелуев сладкий звук,
И прерывающийся ропот
Последней робости?.. Супруг

Восторги чувствует заране;
И вот они настали… Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом всё смерклось, всё дрожит,
И замерла душа в Руслане…
Всё смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился чернее мглы туманной…
И снова терем пуст и тих;
Встаёт испуганный жених,
С лица катится пот остылый;
Трепеща, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой…
О горе: нет подруги милой!
Хватает воздух он пустой;
Людмилы нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой.

Ах, если мученик любви
Страдает страстью безнадёжно,
Хоть грустно жить, друзья мои,

Однако жить ещё возможно.
Но после долгих, долгих лет
Обнять влюблённую подругу,
Желаний, слёз, тоски предмет,
И вдруг минутную супругу
Навек утратить... о друзья,
Конечно, лучше б умер я!

Однако жив Руслан несчастный.
Но что сказал великий князь?
Сражённый вдруг молвой ужасной,

На зятя гневом распалясь,
Его и двор он созывает:
«Где, где Людмила?» – вопрошает
С ужасным, пламенным челом.
Руслан не слышит. «Дети, други!
Я помню прежние заслуги:
О, сжальтесь вы над стариком!
Скажите, кто из вас согласен
Скакать за дочерью моей?
Чей подвиг будет не напрасен,
Тому – терзайся, плачь, злодей!
Не мог сберечь жены своей! —
Тому я дам её в супруги
С полцарством прадедов моих.
Кто ж вызовется, дети, други?..»
«Я!» – молвил горестный жених.
«Я! я! – воскликнули с Рогдаем
Фарлаф и радостный Ратмир. —
Сейчас коней своих седлаем;
Мы рады весь изъездить мир.
Отец наш, не продлим разлуки;
Не бойся: едем за княжной».

И с благодарностью немой
В слезах к ним простирает руки
Старик, измученный тоской.

Все четверо выходят вместе;
Руслан уныньем как убит;
Мысль о потерянной невесте
Его терзает и мертвит.
Садятся на коней ретивых;
Вдоль берегов Днепра счастливых
Летят в клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Уж всадников не видно боле…
Но долго всё ещё глядит
Великий князь в пустое поле
И думой им вослед летит.

Руслан томился молчаливо,
И смысл и память потеряв.
Через плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлаф,
Надувшись, ехал за Русланом.
Он говорит: «Насилу я

На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встречусь с великаном?
Уж то-то крови будет течь,
Уж то-то жертв любви ревнивой!
Повеселись, мой верный меч,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарский хан, в уме своём
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшет над седлом;
В нём кровь играет молодая,
Огня надежды полон взор:
То скачет он во весь опор,
То дразнит бегуна лихого,
Кружит, подъемлет на дыбы,
Иль дерзко мчит на холмы снова.

Рогдай угрюм, молчит – ни слова…
Страшась неведомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всех больше беспокоен он,
И часто взор его ужасный
На князя мрачно устремлён.

Соперники одной дорогой
Всё вместе едут целый день.
Днепра стал тёмен брег отлогий;
С востока льётся ночи тень;
Туманы над Днепром глубоким;
Пора коням их отдохнуть.
Вот под горой путём широким
Широкий пересёкся путь.
«Разъедемся, пора! – сказали, —
Безвестной вверимся судьбе».
И каждый конь, не чуя стали,
По воле путь избрал себе.

Что делаешь, Руслан несчастный,
Один в пустынной тишине?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Всё, мнится, видел ты во сне.
На брови медный шлем надвинув,
Из мощных рук узду покинув,
Ты шагом едешь меж полей,
И медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.

Но вдруг пред витязем пещера;
В пещере свет. Он прямо к ней
Идёт под дремлющие своды,
Ровесники самой природы.
Вошёл с уныньем: что же зрит?
В пещере старец; ясный вид,
Спокойный взор, брада седая;
Лампада перед ним горит;
За древней книгой он сидит,
Её внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сын! —
Сказал с улыбкой он Руслану. —
Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;
Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною.
Мы вместе сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Руслан, лишился ты Людмилы;
Твой твёрдый дух теряет силы;
Но зла промчится быстрый миг:
На время рок тебя постиг.

С надеждой, верою весёлой
Иди на всё, не унывай;
Вперёд! мечом и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай.

Узнай, Руслан: твой оскорбитель
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,
Полнощных обладатель гор.
Ещё ничей в его обитель
Не проникал доныне взор;
Но ты, злых козней истребитель,
В неё ты вступишь, и злодей
Погибнет от руки твоей.
Тебе сказать не должен боле:
Судьба твоих грядущих дней,
Мой сын, в твоей отныне воле».

Наш витязь старцу пал к ногам
И в радости лобзает руку.
Светлеет мир его очам,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожил он; и вдруг опять

На вспыхнувшем лице кручина…
«Ясна тоски твоей причина;
Но грусть не трудно разогнать, —
Сказал старик, – тебе ужасна
Любовь седого колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной деве не страшна.
Он звёзды сводит с небосклона,
Он свистнет – задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замков безжалостных дверей,
Он только немощный мучитель
Прелестной пленницы своей.
Вокруг неё он молча бродит,
Клянёт жестокий жребий свой…
Но, добрый витязь, день проходит,
А нужен для тебя покой».

Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнём;
Он ищет позабыться сном,

Вздыхает, медленно вертится…
Напрасно! Витязь наконец:
«Не спится что-то, мой отец!
Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник непонятный?
В пустыню кто тебя занёс?»
Вздохнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «Любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальной
Угрюмый край. Природный финн,
В долинах, нам одним известных,
Гоняя стадо сёл окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.
Но жить в отрадной тишине

Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на тёмный луг
Я гнал, волынку надувая;
Передо мной шумел поток.
Одна, красавица младая

На берегу плела венок.
Меня влекла моя судьбина…
Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней – и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С её небесною отрадой,
С её мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
«Пастух, я не люблю тебя!»

И всё мне дико, мрачно стало:
Родная куща, тень дубров,
Весёлы игры пастухов —
Ничто тоски не утешало.
В унынье сердце сохло, вяло.

И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины
С дружиной братской переплыть
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков.
Я вдаль уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков;
Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары
И с побеждёнными садились

За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Под шумом битвы и пиров,
Томилось тайною кручиной,
Искало финских берегов.
Пора домой, сказал я, други!
Повесим праздные кольчуги
Под сенью хижины родной.
Сказал – и вёсла зашумели;
И, страх оставя за собой,
В залив отчизны дорогой
Мы с гордой радостью влетели.

Сбылись давнишние мечты,
Сбылися пылкие желанья!
Минута сладкого свиданья,
И для меня блеснула ты!
К ногам красавицы надменной
Принёс я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг;
Пред нею, страстью упоённый,
Безмолвным роем окружённый
Её завистливых подруг,

Стоял я пленником послушным;
Но дева скрылась от меня,
Примолвя с видом равнодушным:
«Герой, я не люблю тебя!»

К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжёлая катится.

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбарей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далёкой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Всё слышит голос их ужасный,

Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

И я, любви искатель жадный,
Решился в грусти безотрадной
Наину чарами привлечь
И в гордом сердце девы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спешил в объятия свободы,
В уединённый мрак лесов;
И там, в ученье колдунов,
Провёл невидимые годы.
Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг:
Узнал я силу заклинаньям.
Венец любви, венец желаньям!
Теперь, Наина, ты моя!
Победа наша, думал я.
Но в самом деле победитель
Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой,
В восторге пылкого желанья,
Творю поспешно заклинанья,
Зову духóв – и в тьме лесной
Стрела промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнýла под ногой…
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впалыми сверкая,
С горбом, с трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчал,
Глазами страшный призрак мерил,
В сомненье всё ещё не верил
И вдруг заплакал, закричал:
«Возможно ль! ах, Наина, ты ли!
Наина, где твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так страшно изменили?
Скажи, давно ль, оставя свет,

Расстался я с душой и с милой?
Давно ли?..» – «Ровно сорок лет, —
Был девы роковой ответ, —
Сегодня семьдесят мне било.
Что делать, – мне пищит она, —
Толпою годы пролетели.
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постареть успели.
Но, друг, послушай: не беда
Неверной младости утрата.
Конечно, я теперь седа,
Немножко, может быть, горбата;
Не то, что в старину была,
Не так жива, не так мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было в самом деле так.
Немой, недвижный перед нею,
Я совершенный был дурак
Со всей премудростью моею.

Но вот ужасно: колдовство

Вполне свершилось по несчастью
Моё седое божество
Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признанье.
Вообрази моё страданье!
Я трепетал, потупя взор;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжёлый, страстный разговор:
«Так, сердце я теперь узнала;
Я вижу, верный друг, оно
Для нежной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви…
Приди в объятия мои…
О милый, милый! умираю…»

И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем – я обмирал,

От ужаса зажмуря очи;
И вдруг терпеть не стало мочи;
Я с криком вырвался, бежал.
Она вослед: «О, недостойный!
Ты возмутил мой век спокойный
Невинной девы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь – вот мужчины!
Изменой дышат все они!
Увы, сама себя вини;
Он обольстил меня, несчастный!
Я отдалась любови страстной…
Изменник, изверг! о позор!
Но трепещи, девичий вор!»

Так мы расстались. С этих пор
Живу в моём уединенье
С разочарованной душой;
И в мире старцу утешенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зовёт меня могила;
Но чувства прежние свои
Ещё старушка не забыла

И пламя поздное любви
С досады в злобу превратила.
Душою чёрной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидит и тебя;
Но горе на земле не вечно».

Наш витязь с жадностью внимал
Рассказы старца; ясны очи
Дремотой лёгкой не смыкал
И тихого полёта ночи

В глубокой думе не слыхал.
Но день блистает лучезарный…
Со вздохом витязь благодарный
Объемлет старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходит вон. Ногами стиснул
Руслан заржавшего коня,
В седле оправился, присвистнул.
«Отец мой, не оставь меня».
И скачет по пустому лугу.
Седой мудрец младому другу
Кричит вослед: «Счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Советов старца не забудь!»

Песнь вторая

Соперники в искусстве брани,
Не знайте мира меж собой;
Несите мрачной славе дани
И упивайтеся враждой!
Пусть мир пред вами цепенеет,
Дивяся грозным торжествам:
Никто о вас не пожалеет,
Никто не помешает вам.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасских гор,
Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор;
Бранитесь – только осторожно.
Но вы, соперники в любви,
Живите дружно, если можно!
Поверьте мне, друзья мои:
Кому судьбою непременной
Девичье сердце суждено,
Тот будет мил назло вселенной;

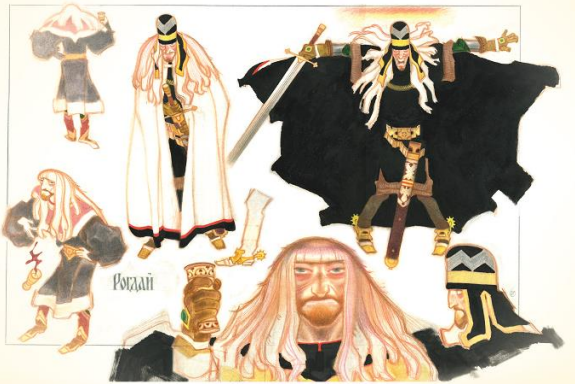
Сердиться глупо и грешно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухим предчувствием томимый,
Оставя спутников своих,
Пустился в край уединённый
И ехал меж пустынь лесных,
В глубоку думу погружённый, —
Злой дух тревожил и смущал
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шептал:
«Убью!.. преграды все разрушу…
Руслан!.. узнаешь ты меня…
Теперь-то девица поплачет…»
И вдруг, поворотив коня,
Во весь опор назад он скачет.

В то время доблестный Фарлаф,
Всё утро сладко продремав,
Укрывшись от лучей полдневных,
У ручейка, наедине,
Для подкрепленья сил душевных,
Обедал в мирной тишине.

Как вдруг он видит: кто-то в поле,
Как буря, мчится на коне;
И, времени не тратя боле,
Фарлаф, покинув свой обед,
Копьё, кольчугу, шлем, перчатки,
Вскочил в седло и без оглядки
Летит – а тот за ним вослед.
«Остановись, беглец бесчестный! —
Кричит Фарлафу неизвестный. —
Презренный, дай себя догнать!
Дай голову с тебя сорвать!»
Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась, обмирал
И, верной смерти ожидая,
Коня ещё быстрее гнал.
Так точно заяц торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.
На месте славного побега
Весной растопленного снега
Потоки мутные текли

И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил;
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжко в грязный ров,
Земли невзвидел с небесами
И смерть принять уж был готов.
Рогдай к оврагу подлетает;
Жестокий меч уж занесён;
«Погибни, трус! умри!» – вещает…
Вдруг узнаёт Фарлафа он;
Глядит, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнев
В его чертах изобразились;
Скрыпя зубами, онемев,
Герой, с поникшею главою
Скорей отъехав ото рва,
Бесился… но едва, едва
Сам не смеялся над собою.



Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожною клюкой
Ему на север указала.
«Ты там найдёшь его», – сказала.
Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел.

А наш Фарлаф? Во рву остался,
Дохнуть не смея; про себя
Он, лёжа, думал: жив ли я?

Куда соперник злой девался?
Вдруг слышит прямо над собой
Старухи голос гробовой:
«Встань, молодец: всё тихо в поле;
Ты никого не встретишь боле;
Я привела тебе коня;
Вставай, послушайся меня».

Смущённый витязь поневоле
Ползком оставил грязный ров;
Окрестность робко озирая,
Вздохнул и молвил оживая:
«Ну, слава богу, я здоров!»

«Поверь! – старуха продолжала, —
Людмилу мудрено сыскать;
Она далёко забежала;
Не нам с тобой её достать.
Опасно разъезжать по свету;
Ты, право, будешь сам не рад.
Последуй моему совету,
Ступай тихохонько назад.
Под Киевом, в уединенье,

В своём наследственном селенье
Останься лучше без забот:
От нас Людмила не уйдёт».

Сказав, исчезла. В нетерпенье
Благоразумный наш герой
Тотчас отправился домой,
Сердечно позабыв о славе
И даже о княжне младой;
И шум малейший по дубраве,
Полёт синицы, ропот вод
Его бросали в жар и в пот.
Меж тем Руслан далёко мчится;
В глуши лесов, в глуши полей
Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей,
И говорит: «Найду ли друга?
Где ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой светлый взор?
Услышу ль нежный разговор?
Иль суждено, чтоб чародея
Ты вечной пленницей была
И, скорбной девою старея,

В темнице мрачной отцвела?
Или соперник дерзновенный
Придёт?.. Нет, нет, мой друг бесценный:
Ещё при мне мой верный меч,
Ещё глава не пала с плеч».

Однажды, тёмною порою,
По камням берегом крутым
Наш витязь ехал над рекою.
Всё утихало. Вдруг за ним
Стрелы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звон, и крик, и ржанье,
И топот по полю глухой.
«Стой!» – грянул голос громовой.
Он оглянулся: в поле чистом,
Подняв копьё, летит со свистом
Свирепый всадник, и грозой
Помчался князь ему навстречу.
«Ага! догнал тебя! постой! —
Кричит наездник удалой. —
Готовься, друг, на смертну сечу;
Теперь ложись средь здешних мест;

А там ищи своих невест».
Руслан вспылал, вздрогнул от гнева;
Он узнаёт сей буйный глас...

Друзья мои! а наша дева?
Оставим витязей на час;
О них опять я вспомню вскоре.
А то давно пора бы мне
Подумать о младой княжне
И об ужасном Черноморе.

Моей причудливой мечты
Наперсник иногда нескромный,
Я рассказал, как ночью тёмной
Людмилы нежной красоты
От воспалённого Руслана
Сокрылись вдруг среди тумана.
Несчастная! когда злодей,
Рукою мощною своей
Тебя сорвав с постели брачной,
Взвился, как вихорь, к облакам
Сквозь тяжкий дым и воздух мрачный
И вдруг умчал к своим горам —

Ты чувств и памяти лишилась
И в страшном замке колдуна,
Безмолвна, трепетна, бледна,
В одно мгновенье очутилась.

С порога хижины моей
Так видел я, средь летних дней,
Когда за курицей трусливой
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал;
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.
Взвился, летит. В когтях ужасных
Во тьму расселин безопасных
Уносит бедную злодей.
Напрасно, горестью своей
И хладным страхом поражённый,
Зовёт любовницу петух…

Он видит лишь летучий пух,
Летучим ветром занесённый.
До утра юная княжна
Лежала, тягостным забвеньем,
Как будто страшным сновиденьем,
Объята – наконец она
Очнулась, пламенным волненьем
И смутным ужасом полна;
Душой летит за наслажденьем,
Кого-то ищет с упоеньем;
«Где ж милый, – шепчет, – где супруг?»
Зовёт и помертвела вдруг.
Глядит с боязнию вокруг.
Людмила, где твоя светлица?
Лежит несчастная девица
Среди подушек пуховых,
Под гордой сенью балдахина;
Завесы, пышная перина
В кистях, в узорах дорогих;
Повсюду ткани парчевые;
Играют яхонты, как жар;
Кругом курильницы златые

Подъемлют ароматный пар;
Довольно… благо, мне не надо
Описывать волшебный дом:
Уже давно Шехерезада
Меня предупредила в том.
Но светлый терем не отрада,
Когда не видим друга в нём.

Три девы, красоты чудесной,
В одежде лёгкой и прелестной
Княжне явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжне воздушными перстами
Златую косу заплела
С искусством, в наши дни не новым,
И обвила венцом перловым
Окружность бледного чела.
За нею, скромно взор склоняя,
Потом приближилась другая;
Лазурный, пышный сарафан
Одел Людмилы стройный стан;

Покрылись кудри золотые,
И грудь, и плечи молодые
Фатой, прозрачной, как туман.
Покров завистливый лобзает
Красы, достойные небес,
И обувь лёгкая сжимает
Две ножки, чудо из чудес.
Княжне последняя девица
Жемчужный пояс подаёт.
Меж тем незримая певица
Весёлы песни ей поёт.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафан, ни перлов ряд,
Ни песни лести и веселья
Её души не веселят;
Напрасно зеркало рисует
Её красы, её наряд:
Потупя неподвижный взгляд,
Она молчит, она тоскует.

Те, кои, правду возлюбя,
На тёмном сердца дне читали,
Конечно, знают про себя,

Что если женщина в печали
Сквозь слёз, украдкой, как-нибудь,
Назло привычке и рассудку,
Забудет в зеркало взглянуть, —
То грустно ей уж не на шутку.

Но вот Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
К окну решётчату подходит,
И взор её печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Всё мёртво. Снежные равнины
Коврами яркими легли;
Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне
И дремлют в вечной тишине;
Кругом не видно дымной кровли,
Не видно путника в снегах,
И звонкий рог весёлой ловли
В пустынных не трубит горах;
Лишь изредка с унылым свистом
Бунтует вихорь в поле чистом
И на краю седых небес

Качает обнажённый лес.

В слезах отчаянья, Людмила
От ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждёт её теперь!
Бежит в серебряную дверь;
Она с музыкой отворилась,
И наша дева очутилась
В саду. Пленительный предел:
Прекраснее садов Армиды
И тех, которыми владел

Царь Соломон иль князь Тавриды.
Пред нею зыблются, шумят
Великолепные дубровы,
Аллеи пальм, и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,
И золотые апельсины
Зерцалом вод отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнём оживлены;
С прохладой вьётся ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей;
Летят алмазные фонтаны
С весёлым шумом к облакам:
Под ними блещут истуканы
И, мнится, живы; Фидий сам,
Питомец Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконец,
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады.

Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещут водопады;
И ручейки в тени лесной
Чуть вьются сонною волной.
Приют покоя и прохлады,
Сквозь вечну зелень здесь и там
Мелькают светлые беседки;
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам.
Но безутешная Людмила
Идёт, идёт и не глядит;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустен неги светлый вид;
Куда, сама не зная, бродит,
Волшебный сад кругом обходит,
Свободу горьким дав слезам,
И взоры мрачные возводит
К неумолимым небесам.
Вдруг осветился взор прекрасный:
К устам она прижала перст;
Казалось, умысел ужасный

Рождался… Страшный путь отверст:
Высокий мостик над потоком
Пред ней висит на двух скалах;
В унынье тяжком и глубоком
Она подходит – и в слезах
На воды шумные взглянула,
Ударила, рыдая, в грудь,
В волнах решилась утонуть —
Однако в воды не прыгнула
И дале продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бегая с утра,
Устала, слёзы осушила,
В душе подумала: пора!
На травку села, оглянулась —
И вдруг над нею сень шатра,
Шумя, с прохладой развернулась;
Обед роскошный перед ней;
Прибор из яркого кристалла;
И в тишине из-за ветвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится пленная княжна,

Но втайне думает она:
«Вдали от милого, в неволе,
Зачем мне жить на свете боле?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзает и лелеет,
Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!»
Подумала – и стала кушать.

Княжна встаёт, и вмиг шатёр,
И пышной роскоши прибор,
И звуки арфы… всё пропало;
По-прежнему всё тихо стало;
Людмила вновь одна в садах
Скитается из рощи в рощи;
Меж тем в лазурных небесах
Плывёт луна, царица нощи;
Находит мгла со всех сторон
И тихо на холмах почила;

Княжну невольно клонит сон.
И вдруг неведомая сила
Нежней, чем вешний ветерок,
Её на воздух поднимает,
Несёт по воздуху в чертог
И осторожно опускает
Сквозь фимиам вечерних роз
На ложе грусти, ложе слёз.
Три девы вмиг опять явились
И вкруг неё засуетились,

Чтоб на ночь пышный снять убор;
Но их унылый, смутный взор
И принуждённое молчанье
Являли втайне состраданье
И немощный судьбам укор.
Но поспешим: рукой их нежной
Раздета сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
В одной сорочке белоснежной
Ложится почивать она.
Со вздохом девы поклонились,
Скорей как можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что ж наша пленница теперь?
Дрожит как лист, дохнуть не смеет;
Хладеют перси, взор темнеет;
Мгновенный сон от глаз бежит;
Не спит, удвоила вниманье,
Недвижно в темноту глядит…
Всё мрачно, мёртвое молчанье!
Лишь сердца слышит трепетанье…
И мнится… шепчет тишина;

Идут – идут к её постели;
В подушки прячется княжна —
И вдруг... о страх!.. и в самом деле
Раздался шум; озарена
Мгновенным блеском тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Арапов длинный ряд идёт
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушках осторожно
Седую бороду несёт;
И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею,
Горбатый карлик из дверей:
Его-то голове обритой,
Высоким колпаком покрытой,
Принадлежала борода.
Уж он приближился: тогда
Княжна с постели соскочила,
Седого карлу за колпак
Рукою быстрой ухватила,

Дрожащий занесла кулак
И в страхе завизжала так,
Что всех арапов оглушила.
Трепеща, скорчился бедняк,
Княжны испуганной бледнее;
Зажавши уши поскорее,
Хотел бежать, но в бороде
Запутался, упал и бьётся;
Встаёт, упал; в такой беде
Арапов чёрный рой мятётся;
Шумят, толкаются, бегут,
Хватают колдуна в охапку
И вот распутывать несут,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь наш?
Вы помните ль нежданну встречу?
Бери свой быстрый карандаш,
Рисуй, Орловский, ночь и сечу!
При свете трепетном луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца их гневом стеснены,
Уж копья брошены далёко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровию покрыты,
Щиты трещат, в куски разбиты…

Они схватились на конях;
Взрывая к небу чёрный прах,
Под ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Друг друга стиснув, остаются
Как бы к седлу пригвождены;
Их члены злобой сведены;
Переплелись и костенеют;
По жилам быстрый огнь бежит;
На вражьей груди грудь дрожит —
И вот колеблются, слабеют —
Кому-то пасть... вдруг витязь мой,
Вскипев, железною рукой
С седла наездника срывает,
Подъемлет, держит над собой
И в волны с берега бросает.
«Погибни! – грозно восклицает; —
Умри, завистник злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
С кем бился доблестный Руслан:
То был кровавых битв искатель,
Рогдай, надежда киевлян,

Людмилы мрачный обожатель.
Он вдоль днепровских берегов
Искал соперника следов;
Нашёл, настиг, но прежня сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний удалец
В пустыне свой нашёл конец.
И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла,
И долго после, ночью тёмной
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромный
Пугал пустынных рыбаков.

Песнь третия

Напрасно вы в тени таились
Для мирных, счастливых друзей,
Стихи мои! Вы не сокрылись
От гневных зависти очей.
Уж бледный критик, ей в услугу,
Вопрос мне сделал роковой:
Зачем Русланову подругу,
Как бы на смех её супругу,
Зову и девой и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тут злобы чёрную печать!
Скажи, Зоил, скажи, предатель,
Ну как и что мне отвечать?
Красней, несчастный, бог с тобою!
Красней, я спорить не хочу;
Довольный тем, что прав душою,
В смиренной кротости молчу.
Но ты поймёшь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,

Ты, жертва скучного Гимена…
Я вижу: тайная слеза
Падёт на стих мой, сердцу внятный;
Ты покраснела, взор погас;
Вздохнула молча… вздох понятный!
Ревнивец: бойся, близок час;
Амур с Досадой своенравной
Вступили в смелый заговор,
И для главы твоей бесславной
Готов уж мстительный убор.

Уж утро хладное сияло
На темени полнощных гор;
Но в дивном замке всё молчало.
В досаде скрытой Черномор,
Без шапки, в утреннем халате,
Зевал сердито на кровати.
Вокруг брады его седой
Рабы толпились молчаливы,
И нежно гребень костяной
Расчёсывал её извивы;
Меж тем, для пользы и красы,
На бесконечные усы

Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Как вдруг, откуда ни возьмись,
В окно влетает змий крылатый;
Гремя железной чешуёй,
Он в кольца быстрые согнулся
И вдруг Наиной обернулся
Пред изумлённою толпой.
«Приветствую тебя, – сказала, —
Собрат, издáвна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рок соединяет
Теперь нас общею враждой;
Тебе опасность угрожает,
Нависла туча над тобой;
И голос оскорблённой чести
Меня к отмщению зовёт».

Со взором, полным хитрой лести,
Ей карла руку подаёт,
Вещая: «Дивная Наина!
Мне драгоценен твой союз.

Мы посрамим коварство Финна;
Но мрачных козней не боюсь:
Противник слабый мне не страшен;
Узнай чудесный жребий мой:
Сей благодатной бородой
Недаром Черномор украшен.
Доколь власов её седых
Враждебный меч не перерубит,
Никто из витязей лихих,
Никто из смертных не погубит
Малейших замыслов моих;
Моею будет век Людмила,
Руслан же гробу обречён!»
И мрачно ведьма повторила:
«Погибнет он! погибнет он!»
Потом три раза прошипела,
Три раза топнула ногой
И чёрным змием улетела.

Блистая в ризе парчевой,
Колдун, колдуньей ободренный,
Развеселясь, решился вновь
Нести к ногам девицы пленной

Усы, покорность и любовь.
Разряжен карлик бородатый,
Опять идёт в её палаты;
Проходит длинный комнат ряд:
Княжны в них нет. Он дале, в сад,
В лавровый лес, к решётке сада,
Вдоль озера, вкруг водопада,
Под мостики, в беседки… нет!
Княжна ушла, пропал и след!
Кто выразит его смущенье,
И рёв, и трепет исступленья!
С досады дня невзвидел он.
Раздался карлы дикий стон:
«Сюда, невольники, бегите!
Сюда, надеюсь я на вас!
Сейчас Людмилу мне сыщите!
Скорее, слышите ль? сейчас!
Не то – шутите вы со мною —
Всех удавлю вас бородою!»

Читатель, расскажу ль тебе,
Куда красавица девалась?
Всю ночь она своей судьбе
В слезах дивилась и – смеялась.
Её пугала борода,
Но Черномор уж был известен
И был смешон, а никогда
Со смехом ужас несовместен.
Навстречу утренним лучам
Постель оставила Людмила
И взор невольный обратила

К высоким, чистым зеркалам;
Невольно кудри золотые
С лилейных плеч приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашние наряды
Нечаянно в углу нашла;
Вздохнув, оделась и с досады
Тихонько плакать начала;
Однако с верного стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И девице пришло на ум,
В волненье своенравных дум,
Примерить шапку Черномора.
Всё тихо, никого здесь нет;
Никто на девушку не взглянет…
А девушке в семнадцать лет
Какая шапка не пристанет!
Рядиться никогда не лень!
Людмила шапкой завертела;
На брови, прямо, набекрень
И задом наперёд надела.

И что ж? о чудо старых дней!
Людмила в зеркале пропала;
Перевернула – перед ней
Людмила прежняя предстала;
Назад надела – снова нет;
Сняла – и в зеркале! «Прекрасно!
Добро, колдун, добро, мой свет!
Теперь мне здесь уж безопасно;
Теперь избавлюсь от хлопот!»
И шапку старого злодея
Княжна, от радости краснея,
Надела задом наперёд.

Но возвратимся же к герою.
Не стыдно ль заниматься нам
Так долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьба́м?
Свершив с Рогдаем бой жестокий,
Проехал он дремучий лес;
Пред ним открылся дол широкий
При блеске утренних небес.
Трепещет витязь поневоле:
Он видит старой битвы поле.

Вдали всё пусто; здесь и там
Желтеют кости; по холмам
Разбросаны колчаны, латы;
Где сбруя, где заржавый щит;
В костях руки здесь меч лежит;
Травой оброс там шлем косматый,
И старый череп тлеет в нём;
Богатыря там остов целый
С его поверженным конём
Лежит недвижный; копья, стрелы
В сырую землю вонзены,
И мирный плющ их обвивает…
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущает,
И солнце с ясной вышины
Долину смерти озаряет.

Со вздохом витязь вкруг себя
Взирает грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усеял мёртвыми костями?
Чей борзый конь тебя топтал
В последний час кровавой битвы?

Кто на тебе со славой пал?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Времён от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья!
Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб Русланов,
И струны громкие Баянов
Не будут говорить о нём!»

Но вскоре вспомнил витязь мой,
Что добрый меч герою нужен
И даже панцирь; а герой
С последней битвы безоружен.
Обходит поле он вокруг;
В кустах, среди костей забвенных,
В громаде тлеющих кольчуг,
Мечей и шлемов раздробленных
Себе доспехов ищет он.
Проснулись гул и степь немая,
Поднялся в поле треск и звон;
Он поднял щит, не выбирая,

Нашёл и шлем, и звонкий рог;
Но лишь меча сыскать не мог.
Долину брани объезжая,
Он видит множество мечей,
Но все легки да слишком малы,
А князь красавец был не вялый,
Не то, что витязь наших дней.
Чтоб чем-нибудь играть от скуки,
Копьё стальное взял он в руки,
Кольчугу он надел на грудь
И далее пустился в путь.

Уж побледнел закат румяный
Над усыплённою землёй;
Дымятся синие туманы,
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою тёмной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный
И что-то страшное храпит.
Он ближе к хóлму, ближе – слышит:
Чудесный холм как будто дышит.
Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;
Но, шевеля пугливым ухом,
Конь упирается, дрожит,
Трясёт упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.
Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснеет; смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?

Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объяты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в тёмной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.
В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безымянной,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.
В недоуменье хочет он
Таинственный разрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копиём,
И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула…
Поднялся вихорь, степь дрогну́ла,
Взвилася пыль; с ресниц, с усов,
С бровей слетела стая сов;

Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо – конь ретивый
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам витязь усидел,
И вслед раздался голос шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назад, я не шучу!
Как раз нахала проглочу!»
Руслан с презреньем оглянулся,
Браздами удержал коня
И с гордым видом усмехнулся.
«Чего ты хочешь от меня? —
Нахмурясь, голова вскричала. —
Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнул с важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхал я истину бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!»

Тогда, от ярости немея,
Стеснённой злобой пламенея,
Надулась голова; как жар,
Кровавы очи засверкали;
Напенясь, губы задрожали,
Из уст, ушей поднялся пар —
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть;

Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь;
Объятый страхом, ослеплённый,
Он мчится вновь, изнеможённый,
Далече в поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочет —
Вновь отражён, надежды нет!
А голова ему вослед,
Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня».
И между тем она героя
Дразнила страшным языком.
Руслан, досаду в сердце кроя,
Грозит ей молча копиём,
Трясёт его рукой свободной,

И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.
От удивленья, боли, гнева,
В минуту дерзости лишась,
На князя голова глядела,
Железо грызла и бледнела.
В спокойном духе горячась,
Так иногда средь нашей сцены
Плохой питомец Мельпомены,
Внезапным свистом оглушён,
Уж ничего не видит он.
Бледнеет, ролю забывает,
Дрожит, поникнув головой,
И, заикаясь, умолкает
Перед насмешливой толпой.
Счастливым пользуясь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб, богатырь летит
С подъятой, грозною десницей
И в щёку тяжкой рукавицей

С размаха голову разит;
И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете весёлом
Его схватил и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем жестоким
Ей нос и уши обрубить;
Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумлённый, внемлет он
Главы молящей жалкий стон…
И тихо меч он опускает,
В нём гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падёт
В душе, моленьем усмирённой:

Так на долине тает лёд,
Лучом полудня поражённый.

«Ты вразумил меня, герой, —
Со вздохом голова сказала, —
Твоя десница доказала,
Что я виновен пред тобой;
Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача жребий мой.
И я был витязь удалой!

В кровавых битвах супостата
Себе я равного не зрел;
Счастлив, когда бы не имел
Соперником меньшого брата!
Коварный, злобный Черномор,
Ты, ты всех бед моих виною!
Семейства нашего позор,
Рождённый карлой, с бородою,
Мой дивный рост от юных дней
Не мог он без досады видеть
И стал за то в душе своей
Меня, жестокий, ненавидеть.
Я был всегда немного прост,
Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост,
Умён как бес – и зол ужасно.
Притом же, знай, к моей беде,
В его чудесной бороде
Таится сила роковая,
И, всё на свете презирая, —
Доколе борода цела —
Изменник не страшится зла.

Вот он однажды с видом дружбы
«Послушай, – хитро мне сказал, —
Не откажись от важной службы:
Я в чёрных книгах отыскал,
Что за восточными горами
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч – и что же? страх!
Я разобрал во тьме волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей меч известен будет нам;
Что нас он обоих погубит:
Мне бороду мою отрубит,
Тебе главу; суди же сам,
Сколь важно нам приобретенье
Сего созданья злых духов!»
«Ну, что же? где тут затрудненье? —
Сказал я карле, – я готов;
Иду хоть за пределы света».
И со́сну на плечо взвалил,
А на другое для совета
Злодея брата посадил;

Пустился в дальную дорогу,
Шагал, шагал, и, слава богу,
Как бы пророчеству назло,
Всё счастливо сначала шло.
За отдалёнными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я разметал его руками
И потаённый меч достал.
Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чём!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Бранились долго; наконец
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.
«Оставим бесполезный спор, —
Сказал мне важно Черномор, —
Мы тем союз наш обесславим;
Рассудок в мире жить велит;
Судьбе решить мы предоставим,
Кому сей меч принадлежит.

К земле приникнем ухом оба
(Чего не выдумает злоба!),
И кто услышит первый звон,
Тот и владей мечом до гроба».
Сказал и лёг на землю он.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но сам жестоко обманулся.
Злодей в глубокой тишине,
Привстав, на цыпочках ко мне
Подкрался сзади, размахнулся;
Как вихорь свистнул острый меч,
И прежде чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч —
И сверхъестественная сила
В ней жизни дух остановила.
Мой остов тернием оброс;
Вдали, в стране, людьми забвенной,
Истлел мой прах непогребенный;
Но злобный карла перенёс
Меня в сей край уединенный,

Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.
О витязь! Ты храним судьбою,
Возьми его, и бог с тобою!
Быть может, на своём пути
Ты карлу-чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти!
И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей —
И в благодарности моей
Твою пощёчину забуду».

Песнь четвёртая

Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.
К тому же – честь и слава им! —
Женитьбы наши безопасны…
Их замыслы не так ужасны
Мужьям, девицам молодым.
Но есть волшебники другие,
Которых ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голос милый – о друзья!
Не верьте им: они лукавы!
Страшитесь, подражая мне,
Их упоительной отравы
И почивайте в тишине.

Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,

Могил и рая верный житель
И музы ветреной моей
Наперсник, пестун и хранитель!
Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной
Теперь вослед тебе лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы все слыхали,
Как бесу в древни дни злодей
Предал сперва себя с печали,
А там и души дочерей;
Как после щедрым подаяньем,
Молитвой, верой, и постом,
И непритворным покаяньем
Снискал заступника в святом;
Как умер он и как заснули
Его двенадцать дочерей:
И нас пленили, ужаснули
Картины тайных сих ночей,
Сии чудесные виденья,
Сей мрачный бес, сей божий гнев,

Живые грешника мученья
И прелесть непорочных дев.
Мы с ними плакали, бродили
Вокруг зубчатых замка стен
И сердцем тронутым любили
Их тихий сон, их тихий плен;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрели их,
И часто инокинь святых
На гроб отцовский провожали.
И что ж, возможно ль?.. нам солгали!
Но правду возвещу ли я?..

Младой Ратмир, направя к югу
Нетерпеливый бег коня,
Уж думал пред закатом дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерел;
Напрасно витязь пред собою
В туманы дальние смотрел:
Всё было пусто над рекою.
Зари последний луч горел
Над ярко позлащённым бором.

Наш витязь мимо чёрных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал.
Он на долину выезжает
И видит: замок на скалах
Зубчаты стены возвышает;
Чернеют башни на углах;
И дева по стене высокой,
Как в море лебедь одинокий,
Идёт, зарёй освещена;
И девы песнь едва слышна
Долины в тишине глубокой.

«Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный.

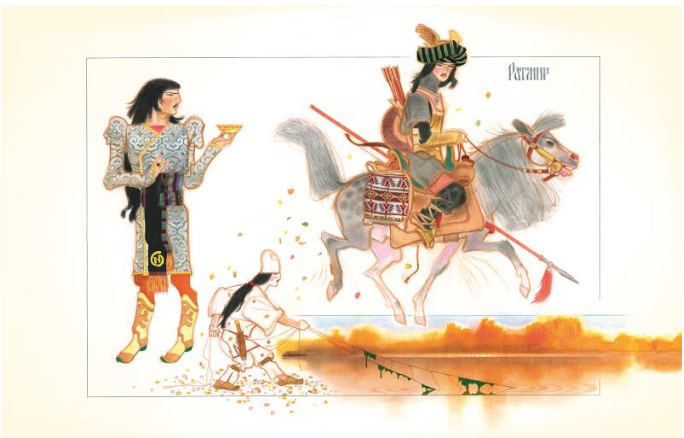
Здесь ночью нега и покой,
А днём и шум, и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путник молодой!

У нас найдёшь красавиц рой;

Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путник молодой!

Тебе мы с утренней зарёй
Наполним кубок на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путник молодой!

Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный».



Она манит, она поёт:
И юный хан уж под стеною;
Его встречают у ворот
Девицы красные толпою;
При шуме ласковых речей
Он окружён; с него не сводят
Они пленительных очей;
Две девицы коня уводят;
В чертоги входит хан младой,
За ним отшельниц милых рой;
Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,
Та меч берёт, та пыльный щит;
Одежда неги замени́т
Железные доспехи брани.
Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В её серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны;
Разостлан роскошью ковёр;
На нём усталый хан ложится;

Прозрачный пар над ним клубится;
Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
В заботе нежной и немой,
Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берёз,
И жар от них душистый пашет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает
И в ароматах потопляет
Темнокудрявые власы.
Восторгом витязь упоенный
Уже забыл Людмилы пленной
Недавно милые красы;
Томится сладостным желаньем;
Бродящий взор его блестит,
И, полный страстным ожиданьем,
Он тает сердцем, он горит.

Но вот выходит он из бани.
Одетый в бархатные ткани,

В кругу прелестных дев, Ратмир
Садится за богатый пир.
Я не Гомер: в стихах высоких
Он может воспевать один
Обеды греческих дружин
И звон, и пену чаш глубоких.
Милее, по следам Парни,
Мне славить лирою небрежной
И наготу в ночной тени,
И поцелуй любови нежной!
Луною замок озарён;
Я вижу терем отдалённый,
Где витязь томный, воспалённый
Вкушает одинокий сон;
Его чело, его ланиты
Мгновенным пламенем горят;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манят;
Он страстно, медленно вздыхает,
Он видит их – и в пылком сне
Покровы к сердцу прижимает.
Но вот в глубокой тишине

Дверь отворилась; пол ревнивый
Скрыпит под ножкой торопливой,
И при серебряной луне
Мелькнула дева. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись – твоя настала ночь!
Проснися – дорог миг утраты!..
Она подходит, он лежит
И в сладострастной неге дремлет;
Покров его с одра скользит,
И жаркий пух чело объемлет.
В молчанье дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,
Как лицемерная Диана
Пред милым пастырем своим;
И вот она, на ложе хана
Коленом опершись одним,
Вздохнув, лицо к нему склоняет
С томленьем, с трепетом живым
И сон счастливца прерывает
Лобзаньем страстным и немым…

Но, други, девственная лира

Умолкла под моей рукой;
Слабеет робкий голос мой —
Оставим юного Ратмира;
Не смею песней продолжать:
Руслан нас должен занимать,
Руслан, сей витязь беспримерный,
В душе герой, любовник верный.
Упорным боем утомлён,
Под богатырской головою
Он сладостный вкушает сон.
Но вот уж раннею зарёю
Сияет тихий небосклон;
Всё ясно; утра луч игривый
Главы косматый лоб златит.
Руслан встаёт, и конь ретивый
Уж витязя стрелою мчит.

И дни бегут; желтеют нивы;
С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист
Певиц пернатых заглушает;
Тяжёлый, пасмурный туман
Нагие холмы обвивает;

Зима приближилась – Руслан
Свой путь отважно продолжает
На дальний север; с каждым днём
Преграды новые встречает:
То бьётся он с богатырём,
То с ведьмою, то с великаном,
То лунной ночью видит он,
Как будто сквозь волшебный сон,
Окружены седым туманом,
Русалки, тихо на ветвях
Качаясь, витязя младого
С улыбкой хитрой на устах
Манят, не говоря ни слова…
Но, тайным промыслом храним,
Бесстрашный витязь невредим;
В его душе желанье дремлет,
Он их не видит, им не внемлет,
Одна Людмила всюду с ним.

Но между тем, никем не зрима,
От нападений колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что делает моя княжна,

Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляет по садам,
О друге мыслит и вздыхает
Иль, волю дав своим мечтам,
К родимым киевским полям
В забвенье сердца улетает;
Отца и братьев обнимает,
Подружек видит молодых
И старых мамушек своих —
Забыты плен и разлученье!
Но вскоре бедная княжна
Своё теряет заблужденье
И вновь уныла и одна.
Рабы влюблённого злодея
И день и ночь, сидеть не смея,
Меж тем по замку, по садам
Прелестной пленницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако всё по пустякам.
Людмила ими забавлялась:
В волшебных рощах иногда

Без шапки вдруг она являлась
И кликала: «Сюда, сюда!»
И все бросались к ней толпою;
Но в сторону – незрима вдруг —
Она неслышною стопою
От хищных убегала рук.
Везде всечасно замечали
Её минутные следы:
То позлащённые плоды
На шумных ветвях исчезали,
То капли ключевой воды
На луг измятый упадали:
Тогда наверно в замке знали,
Что пьёт иль кушает княжна.
На ветвях кедра иль берёзы
Скрываясь по ночам, она
Минутного искала сна —
Но только проливала слёзы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зевотой,
И редко, редко пред зарёй,
Склонясь ко древу головой,

Дремала тонкою дремотой;
Едва редела ночи мгла,
Людмила к водопаду шла
Умыться хладною струёю:
Сам карла утренней порою
Однажды видел из палат,
Как под невидимой рукою
Плескал и брызгал водопад.
С своей обычною тоскою
До новой ночи, здесь и там,
Она бродила по садам;
Нередко по́д вечер слыхали
Её приятный голосок;
Нередко в рощах поднимали
Иль ею брошенный венок,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платок.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдун решился наконец
Поймать Людмилу непременно.
Так Лемноса хромой кузнец,

Прияв супружеский венец
Из рук прелестной Цитереи,
Раскинул сеть её красам,
Открыв насмешливым богам
Киприды нежные затеи…

Скучая, бедная княжна
В прохладе мраморной беседки
Сидела тихо близ окна
И сквозь колеблемые ветки
Смотрела на цветущий луг.

Вдруг слышит – кличут:
«Милый друг!»
И видит верного Руслана.
Его черты, походка, стан;
Но бледен он, в очах туман,
И на бедре живая рана —
В ней сердце дрогнуло. «Руслан!
Руслан!.. он точно!» И стрелою
К супругу пленница летит,
В слезах, трепеща, говорит:
«Ты здесь… ты ранен… что с тобою?»
Уже достигла, обняла:
О ужас… призрак исчезает!
Княжна в сетях; с её чела
На землю шапка упадает.
Хладея, слышит грозный крик:
«Она моя!» – и в тот же миг
Зрит колдуна перед очами.
Раздался девы жалкий стон,
Падёт без чувств – и дивный сон
Объял несчастную крылами.

Что будет с бедною княжной!

О страшный вид: волшебник хилый
Ласкает дерзостной рукой
Младые прелести Людмилы!
Ужели счастлив будет он?
Чу… вдруг раздался рога звон,
И кто-то карлу вызывает.
В смятенье, бледный чародей
На деву шапку надевает;
Трубят опять; звучней, звучней!
И он летит к безвестной встрече,
Закинув бороду за плечи.

Песнь пятая

Ах, как мила моя княжна!
Мне нрав её всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской верна.
Немножко ветрена… так что же?
Ещё милее тем она.
Всечасно прелестию новой
Умеет нас она пленить;
Скажите: можно ли сравнить
Её с Дельфирою суровой?
Одной – судьба послала дар
Обворожать сердца и взоры;
Её улыбка, разговоры
Во мне любви рождают жар.
А та – под юбкою гусар,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блажен, кого под вечерок
В уединённый уголок
Моя Людмила поджидает

И другом сердца назовёт;
Но, верьте мне, блажен и тот,
Кто от Дельфиры убегает
И даже с нею незнаком.
Да, впрочем, дело не о том!
Но кто трубил? Кто чародея
На сечу грозну вызывал?
Кто колдуна перепугал?
Руслан. Он, местью пламенея,
Достиг обители злодея.
Уж витязь под горой стоит,
Призывный рог, как буря, воет,
Нетерпеливый конь кипит
И снег копытом мочным роет.
Князь карлу ждёт. Внезапно он
По шлему крепкому стальному
Рукой незримой поражён;
Удар упал подобно грому;
Руслан подъемлет смутный взор
И видит – прямо над главою —
С подъятой, страшной булавою
Летает карла Черномор.

Щитом покрывшись, он нагнулся,
Мечом потряс и замахнулся;
Но тот взвился́ под облака;
На миг исчез – и свысока
Шумя летит на князя снова.
Проворный витязь отлетел,
И в снег с размаха рокового
Колдун упал – да там и сел;
Руслан, не говоря ни слова,
С коня долой, к нему спешит,
Поймал, за бороду хватает,
Волшебник силится, кряхтит
И вдруг с Русланом улетает…
Ретивый конь вослед глядит;
Уже колдун под облаками;
На бороде герой висит;
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской;
От напряженья костенея,
Руслан за бороду злодея
Упорной держится рукой.

Меж тем, на воздухе слабея
И силе русской изумясь,
Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит: «Слушай, князь!
Тебе вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду всё, прощу тебя,
Спущусь – но только с уговором...»
«Молчи, коварный чародей! —
Прервал наш витязь, – с Черномором,
С мучителем жены своей,
Руслан не знает договора!
Сей грозный меч накажет вора.
Лети хоть до ночной звезды,
А быть тебе без бороды!»
Боязнь объемлет Черномора;
В досаде, в горести немой
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясает:
Руслан её не выпускает
И щиплет волосы порой.
Два дни колдун героя носит,

На третий он пощады просит:
«О рыцарь, сжалься надо мной;
Едва дышу; нет мочи боле;
Оставь мне жизнь, в твоей я воле;
Скажи – спущусь, куда велишь...»
«Теперь ты наш: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле».

Смиренно внемлет Черномор;
Домой он с витязем пустился;
Летит – и мигом очутился
Среди своих ужасных гор.
Тогда Руслан одной рукою
Взял меч сражённой головы
И, бороду схватив другою,
Отсёк её, как горсть травы.
«Знай наших! – молвил он жестоко. —
Что, хищник, где твоя краса?
Где сила?» – и на шлем высокий
Седые вяжет волоса;
Свистя зовёт коня лихого;
Весёлый конь летит и ржёт;

Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладёт,
А сам, боясь мгновенья траты,
Спешит на верх горы крутой,
Достиг, и с радостной душой
Летит в волшебные палаты.
Вдали завидя шлем брадатый,
Залог победы роковой,
Пред ним арапов чудный рой,
Толпы невольниц боязливых,
Как призраки, со всех сторон
Бегут – и скрылись. Ходит он
Один средь храмин горделивых,
Супругу милую зовёт —
Лишь эхо сводов молчаливых
Руслану голос подаёт;
В волненье чувств нетерпеливых
Он отворяет двери в сад —
Идёт, идёт – и не находит;
Кругом смущённый взор обводит —
Всё мёртво: рощицы молчат,
Беседки пусты; на стремнинах,

Вдоль берегов ручья, в долинах,
Нигде Людмилы следу нет,
И ухо ничего не внемлет.

Внезапный князя хлад объемлет,
В очах его темнеет свет,
В уме возникли мрачны думы…
«Быть может, горесть… плен угрюмый…
Минута… волны…» В сих мечтах
Он погружён. С немой тоскою

Поникнул витязь головою;
Его томит невольный страх;
Недвижим он, как мёртвый камень;
Мрачится разум; дикий пламень
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.
Казалось – тень княжны прекрасной
Коснулась трепетным устам…
И вдруг, неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садам;
Людмилу с воплем призывает,
С холмов утёсы отрывает,
Всё рушит, всё крушит мечом —
Беседки, рощи упадают,
Древа, мосты в волнах ныряют,
Степь обнажается кругом!
Далёко гулы повторяют
И рёв, и треск, и шум, и гром;
Повсюду меч звенит и свищет.
Прелестный край опустошён —
Безумный витязь жертвы ищет,
С размаха вправо, влево он

Пустынный воздух рассекает…
И вдруг – нечаянный удар
С княжны невидимой сбивает
Прощальный Черномора дар…
Волшебства вмиг исчезла сила:
В сетях открылася Людмила!
Не веря сам своим очам,
Нежданным счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвёт,
Любви, восторга слёзы льёт,
Зовёт её – но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь её подъемлет.
Руслан с неё не сводит глаз,
Его терзает вновь кручина…
Но вдруг знакомый слышит глас,
Глас добродетельного Финна:

«Мужайся, князь! В обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;

Наполни сердце новой силой,
Любви и чести верен будь.
Небесный гром на злобу грянет,
И воцарится тишина —
И в светлом Киеве княжна
Перед Владимиром восстанет
От очарованного сна».
Руслан, сим гласом оживленный,
Берёт в объятия жену,
И тихо с ношей драгоценной
Он оставляет вышину
И сходит в дол уединенный.

В молчанье, с карлой за седлом,
Поехал он своим путём;
В его руках лежит Людмила,
Свежа, как вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми в кольцо,
Пустынный ветерок играет;
Как часто грудь её вздыхает!
Как часто тихое лицо

Мгновенной розою пылает!
Любовь и тайная мечта
Русланов образ ей приносят,
И с томным шёпотом уста
Супруга имя произносят…
В забвенье сладком ловит он
Её волшебное дыханье,
Улыбку, слёзы, нежный стон
И сонных персей волнованье…

Меж тем по долам, по горам,
И в белый день, и по ночам
Наш витязь едет непрестанно.
Ещё далёк предел желанный,
А дева спит. Но юный князь,
Бесплодным пламенем томясь,
Ужель, страдалец постоянный,
Супругу только сторожил
И в целомудренном мечтанье,
Смирив нескромное желанье,
Своё блаженство находил?
Монах, который сохранил
Потомству верное преданье

О славном витязе моём,
Нас уверяет смело в том:
И верю я! Без разделенья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоём.
Пастушки, сон княжны прелестно
Не походил на ваши сны,
Порой томительной весны,
На мураве, в тени древесной.
Я помню маленький лужок
Среди берёзовой дубравы,
Я помню тёмный вечерок,
Я помню Лиды сон лукавый…
Ах, первый поцелуй любви,
Дрожащий, лёгкий, торопливый,
Не разогнал, друзья мои,
Её дремоты терпеливой…
Но полно, я болтаю вздор!
К чему любви воспоминанье?
Её утеха и страданье
Забыты мною с давних пор;
Теперь влекут моё вниманье

Княжна, Руслан и Черномор.

Пред ними стелется равнина,
Где ели изредка взошли;
И грозного холма вдали
Чернеет круглая вершина
Небес на яркой синеве.
Руслан глядит – и догадался,
Что подъезжает к голове;
Быстрее борзый конь помчался;
Уж видно чудо из чудес;
Она глядит недвижным оком;
Власы её как чёрный лес,
Поросший на челе высоком;
Ланиты жизни лишены,
Свинцовой бледностью покрыты,
Уста огромные открыты,
Огромны зубы стеснены…
Над полумёртвой головою
Последний день уж тяготел.
К ней храбрый витязь прилетел
С Людмилой, с карлой за спиною.
Он крикнул: «Здравствуй, голова!

Я здесь! наказан твой изменник!
Гляди: вот он, злодей наш пленник!»
И князя гордые слова
Её внезапно оживили,
На миг в ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала…
Узнала витязя она
И брата с ужасом узнала.
Надулись ноздри; на щеках
Багровый огнь ещё родился,
И в умирающих глазах
Последний гнев изобразился.
В смятенье, в бешенстве немом
Она зубами скрежетала
И брату хладным языком
Укор невнятный лепетала…
Уже её в тот самый час
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гас,
Слабело тяжкое дыханье,
Огромный закатился взор,

И вскоре князь и Черномор
Узрели смерти содроганье…
Она почила вечным сном.
В молчанье витязь удалился;
Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился
И чернокнижным языком
Усердно демонам молился.

На склоне тёмных берегов
Какой-то речки безымянной,
В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров,
Густыми соснами венчанный.
В теченье медленном река
Вблизи плетень из тростника
Волною сонной омывала
И вкруг него едва журчала
При лёгком шуме ветерка.
Долина в сих местах таилась,
Уединённа и темна;
И там, казалось, тишина
С начала мира воцарилась.

Руслан остановил коня.
Всё было тихо, безмятежно;
От рассветающего дня
Долина с рощею прибрежной
Сквозь утренний сияла дым.
Руслан на луг жену слагает,
Садится близ неё, вздыхает
С уныньем сладким и немым;
И вдруг он видит пред собою
Смиренный парус челнока
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.
Раскинув невод по волнам,
Рыбак, на вёсла наклоненный,
Плывёт к лесистым берегам,
К порогу хижины смиренной.
И видит добрый князь Руслан:
Челнок ко брегу приплывает;
Из тёмной хаты выбегает
Младая дева; стройный стан,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, тихий взор очей,

И грудь, и плечи обнаженны,
Всё мило, всё пленяет в ней.
И вот они, обняв друг друга,
Садятся у прохладных вод,
И час беспечного досуга
Для них с любовью настаёт.
Но в изумленье молчаливом
Кого же в рыбаке счастливом
Наш юный витязь узнаёт?
Хазарский хан, избранный славой,
Ратмир, в любви, в войне кровавой
Его соперник молодой,
Ратмир в пустыне безмятежной
Людмилу, славу позабыл
И им навеки изменил
В объятиях подруги нежной.

Герой приближился, и вмиг
Отшельник узнаёт Руслана,
Встаёт, летит. Раздался крик…
И обнял князь младого хана.
«Что вижу я? – спросил герой, —
Зачем ты здесь, зачем оставил
Тревоги жизни боевой
И меч, который ты прославил?»
«Мой друг, – ответствовал рыбак, —
Душе наскучил бранной славы
Пустой и гибельный призра́к.

Поверь: невинные забавы,
Любовь и мирные дубравы
Милее сердцу во сто крат.
Теперь, утратив жажду брани,
Престал платить безумству дани,
И, верным счастием богат,
Я всё забыл, товарищ милый,
Всё, даже прелести Людмилы».
«Любезный хан, я очень рад! —
Сказал Руслан, – она со мною».
«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна…
Она с тобою, где ж она?
Позволь… но нет, боюсь измены;
Моя подруга мне мила;
Моей счастливой перемены
Она виновницей была;
Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь.
Напрасно счастье мне сулили

Уста волшебниц молодых;
Двенадцать дев меня любили:
Я для неё покинул их;
Оставил терем их весёлый
В тени хранительных дубров;
Сложил я меч и шлем тяжёлый,
Забыл и славу, и врагов.
Отшельник мирный и безвестный,
Остался в счастливой глуши,
С тобой, друг милый, друг прелестный,
С тобою, свет моей души!»

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговор
И, устремив на хана взор,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбак и витязь на брегах
До тёмной ночи просидели
С душой и сердцем на устах —
Часы невидимо летели.
Чернеет лес, темна гора;
Встаёт луна – всё тихо стало;

Герою в путь давно пора.
Накинув тихо покрывало
На деву спящую, Руслан
Идёт и на коня садится;
Задумчиво безмолвный хан
Душой вослед ему стремится,
Руслану счастия, побед,
И славы, и любви желает…
И думы гордых, юных лет
Невольной грустью оживляет…

Зачем судьбой не суждено
Моей непостоянной лире
Геройство воспевать одно
И с ним (незнаемые в мире)
Любовь и дружбу старых лет?
Печальной истины поэт,
Зачем я должен для потомства
Порок и злобу обнажать
И тайны козни вероломства
В правдивых песнях обличать?
Княжны искатель недостойный,
Охоту к славе потеряв,

Никем не знаемый, Фарлаф
В пустыне дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждал.
И час торжественный настал.
К нему волшебница явилась,
Вещая: «Знаешь ли меня?
Ступай за мной; седлай коня!»
И ведьма кошкой обратилась;
Оседлан конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф.

Долина тихая дремала,
В ночной одетая туман,
Луна во мгле перебегала
Из тучи в тучу и курган
Мгновенным блеском озаряла.
Под ним в безмолвии Руслан
Сидел с обычною тоскою
Пред усыплённою княжною.
Глубоку думу думал он,
Мечты летели за мечтами,
И неприметно веял сон

Над ним холодными крылами.
На деву смутными очами
В дремоте томной он взглянул
И, утомлённою главою
Склонясь к ногам её, заснул.

И снится вещий сон герою:
Он видит, будто бы княжна
Над страшной бездны глубиною
Стоит недвижна и бледна…
И вдруг Людмила исчезает,
Стоит один над бездной он…
Знакомый глас, призывный стон
Из тихой бездны вылетает…
Руслан стремится за женой;
Стремглав летит во тьме глубокой…
И видит вдруг перед собой:
Владимир, в гриднице высокой,
В кругу седых богатырей,
Между двенадцатью сынами,
С толпою названных гостей
Сидит за браными столами.
И так же гневен старый князь,

Как в день ужасный расставанья,
И все сидят, не шевелясь,
Не смея перервать молчанья.
Утих весёлый шум гостей,
Не ходит чаша круговая…
И видит он среди гостей
В бою сражённого Рогдая:
Убитый как живой сидит;
Из опенённого стакана
Он, весел, пьёт и не глядит
На изумлённого Руслана.
Князь видит и младого хана,
Друзей и недругов… и вдруг
Раздался гуслей беглый звук
И голос вещего Баяна,
Певца героев и забав.
Вступает в гридницу Фарлаф,
Ведёт он за руку Людмилу;
Но старец, с места не привстав,
Молчит, склонив главу унылу,
Князья, бояре – все молчат,
Душевные движенья кроя.

И всё исчезло – смертный хлад
Объемлет спящего героя.
В дремоту тяжко погружён,
Он льёт мучительные слёзы,
В волненье мыслит: это сон!
Томится, но зловещей грёзы,
Увы, прервать не в силах он.

Луна чуть светит над горою;
Объяты рощи темнотою,
Долина в мёртвой тишине…
Изменник едет на коне.

Пред ним открылася поляна;
Он видит сумрачный курган;
У ног Людмилы спит Руслан,
И ходит конь кругом кургана.
Фарлаф с боязнию глядит;
В тумане ведьма исчезает,
В нём сердце замерло, дрожит;
Из хладных рук узду роняет,
Тихонько обнажает меч,
Готовясь витязя без боя

С размаха надвое рассечь…
К нему подъехал. Конь героя,
Врага почуя, закипел,
Заржал и топнул. Знак напрасный!
Руслан не внемлет; сон ужасный,
Как груз, над ним отяготел!..
Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды хладну сталь…
И мчится боязливо вдаль
С своей добычей драгоценной.

Всю ночь бесчувственный Руслан
Лежал во мраке под горою.
Часы летели. Кровь рекою
Текла из воспалённых ран.
Поутру, взор открыв туманный,
Пуская тяжкий, слабый стон,
С усильем приподнялся он,
Взглянул, поник главою бранной
И пал недвижный, бездыханный.

Песнь шестая

Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На лире лёгкой и небрежной
Старинны были напевать
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга…
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь с ветреной молвой,
Твой друг, блаженством упоённый,
Забыл и труд уединённый,
И звуки лиры дорогой.
От гармонической забавы
Я, негой упоён, отвык…
Дышу тобой – и гордой славы
Невнятен мне призывный клик!
Меня покинул тайный гений
И вымыслов, и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум.
Но ты велишь, но ты любила

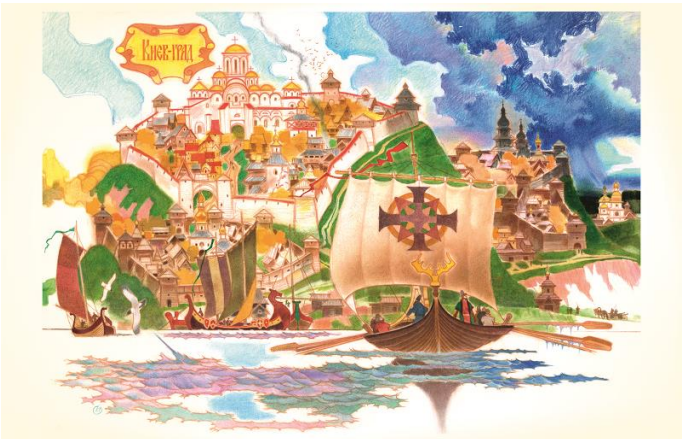
Рассказы прежние мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимир, ведьма, Черномор,
И Финна верные печали
Твоё мечтанье занимали;
Ты, слушая мой лёгкий вздор,
С улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала…
Решусь; влюблённый говорун,
Касаюсь вновь ленивых струн;
Сажусь у ног твоих и снова
Бренчу про витязя младого.

Но что сказал я? Где Руслан?
Лежит он мёртвый в чистом поле:
Уж кровь его не льётся боле,
Над ним летает жадный вран,
Безгласен рог, недвижны латы,
Не шевелится шлем косматый!

Вокруг Руслана ходит конь,

Поникнув гордой головою,
В его глазах исчез огонь!
Не машет гривой золотою,
Не тешится, не скачет он
И ждёт, когда Руслан воспрянет…
Но князя крепок хладный сон,
И долго щит его не грянет.

А Черномор? Он за седлом,
В котомке, ведьмою забытый,
Ещё не знает ни о чём;
Усталый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранил от скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебник выглянул – о диво!
Он видит, богатырь убит;
В крови потопленный лежит;
Людмилы нет, всё пусто в поле;
Злодей от радости дрожит
И мнит: свершилось, я на воле!
Но старый карла был неправ.



Меж тем, Наиной осенённый,
С Людмилой, тихо усыплённой,
Стремится к Киеву Фарлаф:
Летит, надежды, страха полный;
Пред ним уже днепровски волны
В знакомых пажитях шумят;
Уж видит златоверхий град;
Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум на стогнах восстаёт;
В волненье радостном народ
Валит за всадником, теснится;

Бегут обрадовать отца:
И вот изменник у крыльца.

Влача в душе печали бремя,
Владимир-солнышко в то время
В высоком тереме своём
Сидел, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругом
Сидели с важностью угрюмой.
Вдруг внемлет он: перед крыльцом
Волненье, крики, шум чудесный;
Дверь отворилась; перед ним
Явился воин неизвестный;
Все встали с шёпотом глухим
И вдруг смутились, зашумели:
«Людмила здесь! Фарлаф… ужели?»
В лице печальном изменясь,
Встаёт со стула старый князь,
Спешит тяжёлыми шагами
К несчастной дочери своей,
Подходит; отчими руками
Он хочет прикоснуться к ней;
Но дева милая не внемлет

И, очарованная, дремлет
В руках убийцы – все глядят
На князя в смутном ожиданье;
И старец беспокойный взгляд
Вперил на витязя в молчанье.
Но, хитро перст к устам прижав,
«Людмила спит, – сказал Фарлаф. —
Я так нашёл её недавно
В пустынных муромских лесах
У злого лешего в руках;
Там совершилось дело славно;
Три дня мы бились; луна
Над боем трижды подымалась;
Он пал, а юная княжна
Мне в руки сонною досталась;
И кто прервёт сей дивный сон?
Когда настанет пробужденье?
Не знаю – скрыт судьбы закон!
А нам надежда и терпенье
Одни остались в утешенье».

И вскоре с вестью роковой
Молва по граду полетела;

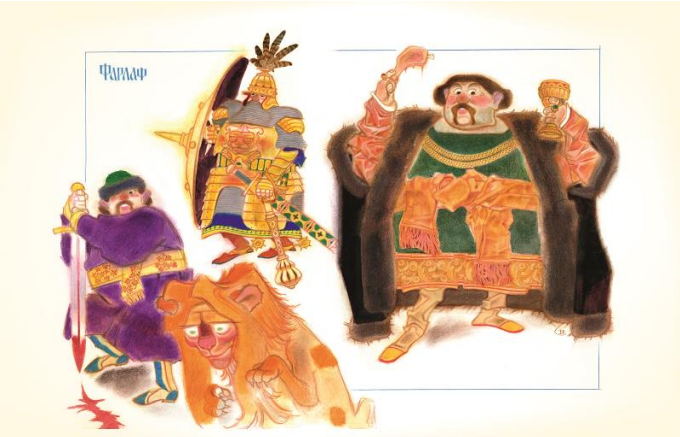
Народа пёстрою толпой
Градская площадь закипела;
Печальный терем всем открыт;
Толпа волнуется, валит
Туда, где на одре высоком,
На одеяле парчевом
Княжна лежит во сне глубоком;
Князья и витязи кругом
Стоят унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремят над нею; старый князь,
Тоской тяжёлой изнурясь,
К ногам Людмилы сединами
Приник с безмолвными слезами;
И бледный близ него Фарлаф
В немом раскаянье, в досаде
Трепещет, дерзость потеряв.

Настала ночь. Никто во граде
Очей бессонных не смыкал;
Шумя, теснились все друг к другу;
О чуде всякий толковал;
Младой супруг свою супругу

В светлице скромной забывал.
Но только свет луны двурогой
Исчез пред утренней зарёй,
Весь Киев новою тревогой
Смутился. Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской…
И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево, блистают,
В полях наездники мелькают,
Вдали подъемля чёрный прах;
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!
Но в это время вещий Финн,
Духов могучий властелин,
В своей пустыне безмятежной
С спокойным сердцем ожидал,
Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный, восстал.

В немой глуши степей горючих,

За дальной цепью диких гор,
Жилища ветров, бурь гремучих,
Куда и ведьмы смелый взор
Проникнуть в поздний час боится,
Долина чудная таится,
И в той долине два ключа:
Один течёт волной живою,
По ка́мням весело журча,
Тот льётся мёртвою водою;
Кругом всё тихо, ветры спят,
Прохлада вешняя не веет,
Столетни сосны не шумят,
Не вьются птицы, лань не смеет
В жар летний пить из тайных вод;
Чета духов с начала мира,
Безмолвная на лоне мира,
Дремучий берег стережёт…
С двумя кувшинами пустыми
Предстал отшельник перед ними;
Прервали духи давний сон
И удалились, страха полны.



Склонившись, погружает он
Сосуды в девственные волны;
Наполнил, в воздухе пропал
И очутился в два мгновенья
В долине, где Руслан лежал
В крови, безгласный, без движенья;
И стал над рыцарем старик,
И вспрыснул мёртвою водою,
И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотою
Процвёл; тогда водой живою

Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодою,
Встаёт Руслан, на ясный день
Очами жадными взирает,
Как безобразный сон, как тень,
Пред ним минувшее мелькает.
Но где Людмила? Он один!
В нём сердце, вспыхнув, замирает.
Вдруг витязь вспрянул; вещий Финн
Его зовёт и обнимает:
«Судьба свершилась, о мой сын!
Тебя блаженство ожидает;
Тебя зовёт кровавый пир;
Твой грозный меч бедою грянет;
На Киев снидет кроткий мир,
И там она тебе предстанет.
Возьми заветное кольцо,
Коснися им чела Людмилы,
И тайных чар исчезнут силы,
Врагов смутит твоё лицо,
Настанет мир, погибнет злоба.

Достойны счастья будьте оба!
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку… там, за дверью гроба —
Не прежде – свидимся с тобой!»
Сказал, исчезнул. Упоённый
Восторгом пылким и немым,
Руслан, для жизни пробуждённый,
Подъемлет руки вслед за ним…
Но ничего не слышно боле!
Руслан один в пустынном поле;
Запрыгав, с карлой за седлом,
Русланов конь нетерпеливый
Бежит и ржёт, махая гривой;
Уж князь готов, уж он верхом,
Уж он летит живой и здравый
Через поля, через дубравы.

Но между тем какой позор
Являет Киев осаждённый?
Там, устремив на нивы взор,
Народ, уныньем поражённый,
Стоит на башнях и стенах
И в страхе ждёт небесной казни;

Стенанья робкие в домах,
На стогнах тишина боязни;
Один, близ дочери своей,
Владимир в горестной молитве;
И храбрый сонм богатырей
С дружиной верною князей
Готовится к кровавой битве.

И день настал. Толпы врагов
С зарёю двинулись с холмов;
Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стене градской;
Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой,
Сошлись – и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистом туча стрел взвилась,
Равнина кровью залилась;
Стремглав наездники помчались,
Дружины конные смешались;

Сомкнутой, дружною стеной
Там рубится со строем строй;
Со всадником там пеший бьётся;
Там конь испуганный несётся;
Там русский пал, там печенег;
Там клики битвы, там побег;
Тот опрокинут булавою;
Тот лёгкой поражён стрелою;
Другой, придавленный щитом,
Растоптан бешеным конём…
И длился бой до тёмной ночи;
Ни враг, ни наш не одолел!
За грудами кровавых тел
Бойцы сомкнули томны очи,
И крепок был их бранный сон;
Лишь изредка на поле битвы
Был слышен падших скорбный стон
И русских витязей молитвы.

Бледнела утренняя тень,
Волна сребрилася в потоке,
Сомнительный рождался день
На отуманенном востоке.

Яснели хо́лмы и леса,
И просыпались небеса.
Ещё в бездейственном покое
Дремало поле боевое;
Вдруг сон прервался: вражий стан
С тревогой шумною воспрянул,
Внезапный крик сражений грянул;
Смутилось сердце киевлян;
Бегут нестройными толпами
И видят: в поле меж врагами,
Блистая в латах, как в огне,
Чудесный воин на коне
Грозой несётся, колет, рубит,
В ревущий рог, летая, трубит…
То был Руслан. Как божий гром,
Наш витязь пал на басурмана;
Он рыщет с карлой за седлом
Среди испуганного стана.
Где ни просвищет грозный меч,
Где конь сердитый ни промчится,
Везде главы слетают с плеч
И с воплем строй на строй валится;

В одно мгновенье бранный луг
Покрыт холмами тел кровавых,
Живых, раздавленных, безглавых,
Громадой копий, стрел, кольчуг.
На трубный звук, на голос боя
Дружины конные славян
Помчались по следам героя,
Сразились… гибни, басурман!
Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противиться не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей,
Обречены на жертву аду;
Их сонмы русский меч казнит;
Ликует Киев… Но по граду
Могучий богатырь летит;
В деснице держит меч победный;
Копьё сияет, как звезда;
Струится кровь с кольчуги медной;
На шлеме вьётся борода;

Летит, надеждой окрилённый,
По стогнам шумным в княжий дом
Народ, восторгом упоённый,
Толпится с кликами кругом,
И князя радость оживила.
В безмолвный терем входит он,
Где дремлет чудным сном Людмила;
Владимир, в думу погружён,
У ног её стоял унылый.
Он был один. Его друзей
Война влекла в поля кровавы.
Но с ним Фарлаф, чуждаясь славы,
Вдали от вражеских мечей,
В душе презрев тревоги стана,
Стоял на страже у дверей.
Едва злодей узнал Руслана,
В нём кровь остыла, взор погас,
В устах открытых замер глас,
И пал без чувств он на колена…
Достойной казни ждёт измена!
Но, помня тайный дар кольца,
Руслан летит к Людмиле спящей,

Её спокойного лица
Касается рукой дрожащей…
И чудо: юная княжна,
Вздохнув, открыла светлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сон
Её томил мечтой неясной,
И вдруг узнала – это он!
И князь в объятиях прекрасной…
Воскреснув пламенной душой,
Руслан не видит, не внимает,
И старец в радости немой,
Рыдая, милых обнимает.

Чем кончу длинный мой рассказ?
Ты угадаешь, друг мой милый!
Неправый старца гнев погас;
Фарлаф пред ним и пред Людмилой
У ног Руслана объявил
Свой стыд и мрачное злодейство;
Счастливый князь ему простил;
Лишённый силы чародейства,

Был принят карла во дворец;
И, бедствий празднуя конец,
Владимир в гриднице высокой
Запировал в семье своей.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Эпилог

Как, мира житель равнодушный,
На лоне праздной тишины
Я славил лирою послушной
Преданья тёмной старины.
Я пел – и забывал обиды
Слепого счастья и врагов,
Измены ветреной Дориды
И сплетни шумные глупцов.
На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной;
И между тем грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..
Я погибал… Святой хранитель
Первоначальных бурных дней,
О дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила мир;
Ты сохранила мне свободу,

Кипящей младости кумир!
Забытый светом и молвою,
Далече от брегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немыми
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огнь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, весёлых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек —
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений…